

М.М. Щербатов, А. Херзен, А. Радищев

**О повреждении нравов в
России князя М. Щербатова**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М11

М11 **М.М. Щербатов**
О повреждении нравов в России князя М. Щербатова / М.М. Щербатов, А.
Херзен, А. Радищев – М.: Книга по Требованию, 2014. – 354 с.

ISBN 978-5-517-96754-1

ISBN 978-5-517-96754-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

романтизма — устарѣло для насъ. Но юморъ его совершенно свѣжъ, совершенно истиненъ, и необычайно живъ. И чтобы онъ ни писалъ такъ и слышншъ знакомую струну, которую мы привыкли слышать и въ первыхъ стихотворенiяхъ Пушкина и въ Думахъ Рылѣва и въ собственномъ нашемъ сердцѣ.

Что для него были убѣжденiя—это онъ доказалъ возвратись изъ ссылки. Вызванный самимъ Александромъ I на работу, онъ надѣлся провести гнѣскальмю своихъ мыслей и нуще всего мысль объ освобожденiи крестьянъ въ законодательство и когда — пятидесятилѣтнiй мечтатель — онъ убѣдился что нечего и думать объ этомъ—тогда онъ принялъ яду и умеръ!

К. Щербатовъ дошелъ до своей славинфильской точки воззрѣнiя, сверхъ частныхъ причинъ, тѣмъ же путемъ которымъ на нашей памяти дошла до нее часть московской молодежи. Раздавленная николаевскимъ гнетомъ, не видя конца ему, не видя выхода — она прокляла петровскiй періодъ, отрѣклась отъ него, и надѣла, нравственно и въ самомъ дѣлѣ—зипунъ.

Само собою разумѣется что въ этой лести, въ этихъ *gerésailles* есть натяжка. Когда Пуритане съ Щербатовскимъ омерзенiемъ смотрѣли на развратный дворъ Карла II, и качая головой воспоминали времена Протектора,

не надобно забывать что при всей утомительной суровости своей, пуританскіе нравы представляли во всей энергіи многія стороны англо-саксонскаго характера; на эти времена и теперь Англичанинъ обращается съ гордостью.

Допетровская русская жизнь не представляетъ такого прошедшаго, она была похожа на большой сонной прудъ, покрытый тиною; сверху до низу всё дремало въ этомъ затишьи, въ которомъ складывалось, осѣдало государство. Не приходя въ себя, безличныя поколѣнія, смѣнялись какъ листья на деревѣ, жили тѣсно, связанные тяжелыми, періодическими обрядами. Покой и отрицательная простота этой жизни не завидны. Въ природѣ все неразвитое тихо и покойно. Камень лежитъ себѣ вѣка увальнемъ, выѣтриваясь по немногу, а птица часу на мѣстѣ не посидить.

А такъ какъ объективной истины, въ этомъ возвращеніи къ жизни, изъ которой мы выросли, нѣтъ и она только взята на зло, чтобъ современники казнились,—то К. Щербатовъ часто впадаетъ въ противурѣчія и просто въ ошибки. Можно-ли въ самомъ дѣлѣ дѣлать его негодованіе на женщинъ и дѣвицъ, что имъ лучше понравилось выѣзжать и одѣваться, чѣмъ всю жизнь проводить въ тюремномъ заключеніи отцовскаго или мужнина дома.

Тѣмъ больше что К. Щербатовъ, говоря о недостаткахъ и грубости императрицы Анны Иоанновны, прибавляетъ что причиною тому было ея старинное воспитаніе. Мы находимъ даже чрезвычайно человѣчественнымъ что не вѣстамъ хотѣлось видѣть прежде брака своихъ жениховъ и очень довольны что русской, православный обычай—сватать и соединять пары помимо воли пациентовъ, остался въ употребленіи только на конскихъ заводахъ....

Но чтобы понять желчевое увлеченіе К. Щербатова, надобно вспомнить что такое были пресловутые скатертинскіе времена въ серединахъ своего разгара. Со всякимъ днемъ пудра и блески, румяна и мишура, Вольтеръ, Наказъ и прочія драпри покрывавшія матушку императрицу — падаютъ больше и больше и сѣдая развратница явится въ своемъ дворцѣ “вольнаго обращенія” въ истинномъ видѣ.* Между “фонарикомъ” и эрмитажемъ разыгрывались сцены достойныя Шекспира, Тацита и Баркова. Дворъ—Россія жила тогда дворомъ — былъ постоянно раздѣленъ на партіи, безъ мысли, безъ государственныхъ людей во главѣ, безъ плана. У каждой партіи вмѣсто знамени гвардейской гладиаторъ, котораго сѣдые министры,

* Сожитумъ прочесть: *La Cour de la Russie il y a cent ans* — Берлинъ 1857. Книга эта составлена исключительно по письмамъ и депешамъ иностранныхъ пословъ.

сенаторы и полководцы толкают въ опозоренную постель—прикрытую порфирой Мономаха. Потемкинъ, Орловы, Панинъ каждый имѣеть запасъ кандидатовъ, за ними посылають въ случаѣ надобности курьеровъ въ дѣйствующую армію. Особая статсъ-дама испытываетъ ихъ. Удостоеннаго водворяють во дворецъ—(въ комнатахъ предшественника которому даютъ отступной тысячь пять крестьянъ въ крѣпость)—покрываютъ брильянтами, (пуговицы Ланскаго стоили 80,000 сереб.) звѣздами, лентами—и сама императрица везеть его показывать въ оперу;—публика, предупрежденная, домысляетъ въ театрѣ, и три дорого платитъ чтобъ посмотрѣть новаго наложника.

Потемкинъ, этотъ не забавный *blâsé*, избалованный степной баричъ на содержаніи, изъ котораго къ стыду Россіи сдѣлали великаго человѣка—стихами Державина, раболѣпиемъ дворцовой черни и наконецъ семинарской прозой Надеждина—Потемкинъ не любитъ шутить что касается до фаворитовъ, онъ позволяетъ Екатеринѣ брать подставныхъ сколько душѣ угодно, но только изъ его клеветовъ. Старуха въ отчаяніи, не слушается—и Потемкинъ грубитъ съ ней, бранится.

Le balâfré угрюмо живущій въ дальнемъ имѣніи услышалъ это—и снова является передъ женщиной которую посадилъ на престолъ — “Помогите мнѣ — говорить ему

императрица рыдая”—Я готовъ, отвѣчаетъ Графъ Алексѣй Григорьевичъ.—Готовъ, значить на его языкъ: готовъ задушить Потемкина если в. вел. угодно—такъ какъ задушилъ вашего мужа, такъ какъ сбрызнулъ книжку Тараканову.—Но первы вѣнчанной куртизаны ослабли, она шепчетъ старому сообщнику:—“Помиритеcь съ нимъ, смягчите его” — Съ сожаленіемъ смотритъ на нее Чесменской, пожимаетъ плечами и идетъ прочь . . . Non, vous n'êtes plus ma Lisette ! . . и оставляетъ уголовный дворецъ, въ которомъ сверхъ плачущей императрицы бродитъ Князь Григорій Орловъ—сошедшій съ ума. Съ воплемъ и дикими рѣчами ходитъ онъ изъ угла въ уголъ по кабинету Екатерины. Она не велитъ его останавливать — она съ отчужденіемъ и ужасомъ ходитъ за нимъ, слушаетъ его бредъ, съ ужасомъ видитъ въ его безуміи угрызенія совѣсти, кару за совершенное ими вмѣстѣ преступленіе и задавленная темными мыслями “не можетъ больше заниматься дѣлами весь день”—и только успокаивается ночью въ объятіяхъ новаго лейбъ-гвардейскаго гладіатора.

Вотъ міръ, о которомъ наши дѣды и отцы поминали съ умиленіемъ, міръ въ которомъ жилъ Щербатовъ—всякому честному человѣку должна была древняя Русь, показаться чистой и доблестной въ сравненіи съ этимъ безстыднымъ развратомъ, съ этимъ переходомъ Руси допетровской въ

новую Русь — через публичный домъ. Современнику трудно было отдѣлаться отъ всего и широкимъ взглядомъ историка обнять это время; стоятъ возлѣ вообще мѣшается хорошо видѣть, гармонія цѣлаго пропадаетъ, многое загорѣжено случайно - близкимъ — мелкое кажется громаднымъ.

Могъ ли думать Князь Щербатовъ когда онъ писалъ свой строгій разборъ дворцоваго разврата что въ одно мгновеніе, все сразу перемѣнится?—Часы пробили двѣнадцать и вмѣсто нелѣпости жирной масляницы — настаетъ противоположная нелѣпость суроваго поста. Дворецъ превращается въ смиренный домъ, вездѣ дребезжитъ барабанъ, вездѣ бьютъ налкой, бьютъ кнутомъ, тройки лѣтятъ въ Сибирь, императоръ маршируетъ, учитъ эспонтоножъ, все безумно, безчеловѣчно, неблагородно; народъ по прежнему оттертъ, смятъ, ограбленъ, дикое своеволие наверху, *il n'y a de grand chez moi que celui à qui je parle et pendant que je lui parle*—рабство, дисциплина, молчаніе, рундъ и высочайшіе приказы.

И въ то же время Суворовъ на Альпахъ, подѣ Требіей и Нови завязываетъ ту борьбу которая привела всю континентальную Европу въ Кремль, а нашу армію въ Парижъ.

Вотъ это то и отдѣляетъ такъ рѣзко петровскую эпоху

отъ московской что въ ней — какия бы обстоятельства ни были — чувствуется движеніе, чуется возбужденная мощь; можно выбиться изъ силъ, можно погибнуть въ ней, но имѣть того удушья, безцѣльнаго, безвыходнаго, утигивающаго безъ вѣсти какими то цѣлыми стихіями: и страданье и счастье — лица и поколѣнья...и всю допетровскую Русь.

Петербургская Россія не имѣетъ той безнадежной ослѣдлости; она очевидно не есть достигнутое состояніе, а достиженіе чего то, это рѣзные зубы, которые должны выпасть; она носить во всѣхъ начинаніяхъ—характеръ переходнаго, временнаго, имперія строилъ — столько же сколько фасадъ, она не въ самомъ дѣлѣ, не “въ заправду” какъ говорятъ дѣти. Это глиняная форма, которая была можетъ необходима чтобъ остановить, собрать славянскую распущенность—но которая сдѣлала свое дѣло; это хирургическая повязка которую надобно снять какъ только органы будутъ поздоровѣе она уже порвалась въ десяти мѣстахъ и по тѣмъ мышцамъ которые видны, можно судить о томъ на сколько мы выросли и окрѣпли.

Нашему нетерпѣнію мало (и самое это нетерпѣніе свидѣтельствуетъ о томъ же внутренномъ движеніи,—у насъ самихъ десять разъ опускались руки и мы останавлива-

лись исполненные ужаса и печали передъ уродливымъ, капризнымъ сфинксомъ—русскаго развитія.

Всё это понятно, но лишь бы люди не шли вспять—какъ Князь Щербатовъ и не предавались бы полному отчаянію какъ А. Радищевъ.

Медленно идетъ наше развитіе—срывается съ дороги—проводники плохи, давятъ народъ—топчуть нивы—а какъ приостановишься, оботрешь потъ съ лица, а иной разъ и слезы, да посмотришь назадъ—а пути то сдѣлано много!

Кто изъ насъ смѣлъ думать—пять лѣтъ тому назадъ, что твердыня крѣпостнаго права поддерживаемая розгой внутри и штыками снаружи—покачнется?

И кто же скажетъ что вслѣдъ за нею не рухнетъ и табель о рангахъ, и потаенный судъ, и произволъ министровъ и управленіе основанное на тѣлесныхъ наказаніяхъ и боящееся гласности?

Что по дорогѣ будутъ не только времена устали, но безумной реакціи — въ этомъ нѣтъ сомнѣнія — для этого достаточно знать главныхъ актеровъ. Да вѣдь исторической путь и не есть прогулка по Невскому!

И—ръ.

Путней.
25 Мая 1858.

О ПОВРЕЖДЕНІИ ПРАВОВЪ

ВЪ РОССИИ.

КНЯЗЯ ЩЕРБАТОВА.

